

18+

Глеб Габбазов

Тук-тук-тук!

Глеб Габбазов

Тук-тук-тук!

<https://litres.ru/74143352>

ISBN 9785006978201

Аннотация

Тук-тук-тук... Звук, словно костяшки смерти, выбивает дробь по нервам этого дома — моего личного ада. Здесь, в лесном захолустье, где тишина режет уши, каждый шорох — предвестие беды. Страхи детства тянут ко мне свои костлявые лапы. Грань между реальностью и бредом истончилась, превратившись в паутину. Теперь я — пленник в этой обители, должен разгадать зловещую загадку и выжить в доме, ставшем ловушкой, и ни в коем случае не поддаться ужасам, что стучат... Тук-тук-тук!

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Не покидать дом	10
Глава 2. Стуки в дверь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тук-тук-тук!

Глеб Габбазов

© Глеб Габбазов, 2026

ISBN 978-5-0069-7820-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Судьба — абсолютно определённый и неумолимый правитель. Физические способности и моральная решимость ничего не значат. Невозможно совершить простейшее действие, когда боги говорят „нет“. Я понятия не имею, как они оказывают давление в таких случаях; я только знаю, что это непреодолимо»
Алистер Кроули

Кап... Кап... Кап... Кап... Кап...

Эти проклятые звуки сверлили мозг! Неужели опять крыша дала течь? Или это моя съехала с катушек? Только этого не хватало для полного букета... Нужно заделать дыру. Но куда запропастились мои инструменты?

Холодная капля сорвалась с потолка, ужалила плечо, пробежала змейкой по руке и с глухим стуком разбилась о дощатый пол. Бр-р, мерзкое ощущение.

Вспомнил, где они. Инструменты хранились в подвале. В этом склепе тьмы, холода, сырости и забытых страхов. Ни за что! Ни за что не прикоснусь к мертвенно-бледным, покрытым плесенью стенам, не вдохну этот удушающий запах прелой земли и гниения, запах смерти. Ни за что не воскрешу то, что там когда-то случилось... А впрочем, чего уж...

Вспомнил.

Очередной удар пришёлся матери по лицу, расквасив нос в кровавое месиво. Отчим, казалось, достиг предела своего терпения, хотя, по правде говоря, он никогда и ничего не терпел. Будучи изрядно подогретым коньяком, зверь в нём вырвался на свободу, и теперь уже ничто не могло его остановить.

— Прекрати, прошу тебя! — мать задышалась в рыданиях, скрючившись на полу.

— Чёртова шлюха! И выродок твой! Всю жизнь мне отравили, и всё равно мало! — брызжа слюной, орал отчим. Точно обезумевший сенбернар.

— С меня довольно! Сейчас я твоего выродка так воспитаю, что он на всю жизнь запомнит... — с пугающим спокойствием прошипел он и, вцепившись в мою руку, рывком подтащил к себе.

От него невыносимо разило дешёвым алкоголем и кислым потом.

— Не тронь его! — взвыла мать, и тут же получила очередной удар под дых.

Отчим издал утробный, садистский хохот. Потом, растягивая слова, процедил:

— Щас я тебя жизни научу. Узнаешь, что такое настоящая реальность.

И, продолжая выкручивать мою руку, поволок меня в сто-

рону подвала.

— Нееееет! Только попробуй, ублюдок! — замычала мать, отчаянно бросаясь на него, несмотря на боль.

Отчим, недолго думая, швырнул меня на крутую подвальную лестницу. Я не удержал равновесие и, кувыркаясь, полетел вниз, предварительно пересчитав рёбрами каждую ступеньку. Адская боль пронзила тело, из носа хлынула кровь. Я рыдал, как побитый щенок. Как ребёнок, у которого отняли самую любимую игрушку. Как ребёнок, которого ни за что избили. Как ребёнок, сорвавшийся в чёрную бездну подвала.

Ступени закрипели. Отчим, с какой-то странной, зловещей улыбкой, медленно спускался вниз. Что-то большое он засунул между ног...

— Сейчас-сейчас, всё будет... — бормотал он, приближаясь ко мне.

Вдруг я увидел в дверном проёме мать. А потом раздался её полный ярости и отчаяния вопль, странный, чавкающий звук, и отчим замер на месте. Он не успел ничего понять — мать, собрав последние силы, со всей злости толкнула его, и озверевший от боли и алкоголя зверь рухнул с лестницы, тяжело шлёпнувшись рядом со мной лицом вниз. Торчащий из затылка кухонный нож не оставлял никаких сомнений, а липкая багровая лужа с запахом железа расплзлась по полу.

Не помню, что я почувствовал в тот момент. Лишь истеричные крики матери, и липкая, красная, грязная кровь...

Кровь мёртвого отчима...

Возможно, придётся переступить через себя и спуститься в этот проклятый подвал. Капли, конечно, раздражают, но не смертельно. Дожди ведь не каждый день льют, в конце концов. Рано или поздно всё это высохнет. А пока — старое ржавое ведро мне в помощь.

Капли — это ещё полбеды. Гораздо страшнее другое — подозрительно давно не было стуков. Вообще нигде. И это чертовски настораживает... Раньше эти звуки раздавались почти каждый день, в самых неожиданных местах дома. Я не знаю, кто или что это стучит, и, честно говоря, знать не хочу.

Старый двухэтажный дом — моя крепость. Крепость, затерянная в утробе голодного леса. Леса, где не осталось ни одной живой души... Где вообще нет душ.

«Тук-тук-тук!» — жутко непривычно без этих надоедливых звуков. Уже три заката промелькнуло, но никто так и не стучал.

Мои скудные запасы еды на исходе. Возможно, мне придётся переступить через себя и... порог своего дома. Нужно покинуть это убежище. Но разум кричит об обратном: покидать дом нельзя...

Ещё пару месяцев назад я свободно бродил по лесу, изучая его экосистему. Но сейчас я боюсь даже обойти дом вокруг. Потому что знаю, что снаружи меня поджидают они...

Позвольте представиться. Зовите меня просто «Я». По

профессии я лесник и астроном. Однако в последнее время я занимаюсь лишь тем, что выживаю от заката до рассвета, а потом ломаю голову над тем, как сбежать из собственного дома. Вернее, из дома, стоящего посреди леса. На кладбище цивилизации...

Сколько я не видел и не слышал людей? Трудно сказать наверняка... Счёт идёт на месяцы, если не на годы.

Эти странные стуки, о которых я упоминал, не мучают меня вот уже третьи сутки. Плохой знак? Я уже ни в чём не могу быть уверен...

Единственное, что сейчас не вызывает сомнений — в ближайшее время мне придётся выйти из дома.

Глава 1. Не покидать дом

Сегодня утро выдалось отвратным: серая, липкая слякоть и густой туман сковали потускневший лес и мой дом. По стеклу беззвучно струились потоки влаги. Август, судя по календарю, близился к своему завершению. В доме ощутимо похолодало, требовалось срочно запустить генератор. Но он в подвале...

Ничего страшного! Обойдусь и печью.

Старая деревянная кровать недовольно скрипнула под тяжестью тела. Как же не хотелось покидать тёплое убежище в этом царстве холода. Толстое одеяло бережно согревало исхудавшие ноги, убаюкивая в дремоту.

Но я знал — больше нельзя. Необходимо в срочном порядке растопить печь, а для этого — выйти за дровами туда... На улицу. Покинуть свою крепость.

Зевнув, я отбросил одеяло в сторону. Ноги тут же ощутили ледяное прикосновение деревянного пола. Машинально сорвал лист календаря. 30 августа. Осень уже дышит в спину.

Зябко кутаясь в одеяло, я взял с тумбочки керосиновую лампу и вышел из комнаты. Тёмный коридор был ещё не тронут утренним светом, царила зловещая тишина.

— Ты здесь? — прошептал я, получив в ответ молчание.

Медленно ступая, я направился к лестнице. Уже четвёртый день... А стуков всё нет. И я даже не понимаю — радо-

ваться этому или плакать.

Спустившись на первый этаж, я вошёл на кухню. Старая, закопченная печь давно ждала, когда её покормят. Обычно в это время завтракал и я. Но сегодня аппетита не было. Ещё раз бросив взгляд на безжизненную серость за окном, я решил выйти из дома.

Отодвинув табурет, подпирающий дверь, сняв оба засова, я коснулся дверной ручки. Сердце бешено заколотилось, а на лбу выступила испарина.

Я не мог... Не мог открыть эту дверь. Ведь мой дом — моя крепость, а снаружи меня поджидают они... И они голодны... Вот почему нет стуков! Они хотят, чтобы я вышел. Выманивают меня, суки...

Отпустив ручку, я вернулся на кухню и взял ржавый топор — для подстраховки.

Снова оказался у двери, резко дёрнул ручку. Скрип, и дверь медленно отворилась. В лицо ударил промозглый и влажный воздух. Он принёс с собой запах леса и что-то злое. То, что способно выбить тебя из колеи и с лёгкостью свести с ума. То, что может сломать навсегда. Это был запах смерти.

Рука крепче сжала топор, и я, за миг до того, как сделать решающий шаг, осознал, что стою босой.

Надел старые сапоги. Сапоги моего отца. Родного отца... Переступил порог. Холодно... Сыро, холодно, серо, мерзко. Всё как всегда. Дрова находились на заднем дворе.

Забор почти полностью рухнул. Раньше он отделял меня от ужасов, таящихся в лесу. Теперь же это делают только старые деревянные стены моего дома. Моей крепости.

Лес шептал: «Возвращайся в дом, иначе будет хуже». Я спешно набрал в руки дров и поспешил назад. Одно полено предательски выскользнуло и упало мне на ногу. И тут же в памяти всплыл эпизод из прошлого...

Отец мой был высоким и крепким, широкоплечим потомственным лесником. Когда мы приобрели этот домик посреди леса, я был вне себя от счастья. Подальше от сверстников, которые не понимали меня, дразня «чокнутым шизоидом» или «гадким заморышем». Да и отцу стало ближе к «работе». Как иронично — наш дом стоял прямо в центре отцовского офиса — леса.

Мать уезжала в город четыре раза в неделю. Работала два через два в каком-то офисе. Я оставался наедине с отцом, который часто пропадал в лесу на целый день.

Тот день стал роковым для него и для моих двух пальцев на ноге. Отец решил научить меня колоть дрова.

Топор был огромным и неподъёмным. Меня занесло в сторону, когда я попытался поднять его над головой. Топор с грохотом рухнул на землю рядом со мной. Отец даже глазом не повёл. Лишь усмехнулся уголком губ, взял топор одной рукой и со всего размаху расколос полено.

Я встал. Отец протянул мне топор:

— Твоя очередь. Руби!

Во второй раз я промахнулся и ударил по пню.

— Дай сюда! — отец выхватил топор, — Неужели так сложно!?

Удар. И ещё одно полено разлетелось на две части.

— Пробуй. — отец вновь протянул мне орудие дровосека.

Я взял топор. Его вес продолжал давить. Тогда, подняв его над головой, я снова промахнулся. Только на этот раз топор приземлился мне на ногу. Вернее, на ступню... Двух пальцев как не бывало. Словно маленькие розовые сардельки, они лежали в траве, а я орал, как резаный, пока не потерял сознание.

Очнулся я в своей постели. За стеной мать и отец ожесточённо ругались. Что-то разбилось. Нога почти не болела.

Я аккуратно приподнял одеяло и взглянул на левую ступню. Перебинтована. Неужели я и вправду лишился двух пальцев? Нет, это сон! Я стал хлопать себя по щекам, чувствуя жгучую боль. Поняв, что это реальность, суровая реальность, я разразился громким плачем.

На рыдания прибежала мать. За ней в комнату вошёл разъярённый, нет, скорее подавленный отец.

— Мальчик мой, всё будет хорошо... Ты привыкнешь...
— попыталась успокоить меня мать.

Я более чем уверен, что в глубине души она не представляла, как это произойдёт.

— Ты лишил ребёнка двух пальцев! — выкрикнула мать

отцу.

Я лишь продолжал всхлипывать и смотреть на них заплаканными глазами.

Отец ничего не ответил. Лишь покинул комнату тяжёлыми шагами. Его шаги стихли на лестнице. Он спустился на первый этаж. Что-то взял из кладовой. А потом ушёл из дома.

Мы с матерью выглянули в окно. Отец с ружьём в руках исчез в зелёном лесном плену. Больше мы его не видели...

Ледяной воздух вырвал мою большую голову из плена воспоминаний. Сколько я простоял здесь, с дровами? Это не важно. Важно другое — шёпот. Я слышу их голоса... Забор меня не спасёт.

Я быстро поднял упавшее на траву полено и забежал в дом. Бросил дрова в угол. Такого грохота стены, казалось, не слышали давно... Запер дверь на два засова, подпёр табуретом. Тяжело и часто дыша, сполз по стене. За пределами дома становилось всё хуже. Они почти прорвались в мой двор...

Холодные капельки пота выступили на лбу. Тело пробило озноб. Печь... Нужно срочно накормить печь, и тогда станет теплее. Поёжившись от холода, я медленно поднялся. Кто-то прошёл рядом с окном. Я отчётливо слышал шаги... Шуршание этой чёртовой травы...

А потом... Тук-тук-тук! Откуда раздался стук, я не понял.

Кажется, стучали по стене.

Хрррр... Хрррр... Они скребли. Скребли когтями по стенам.

Я схватился за голову и опустился на колени. Радоваться или плакать? Стуков не было очень давно, и это пугало. Но теперь они вновь возобновились, и всё вернулось на круги своя.

Тук-тук-тук! Они били по стенам. Кажется, где-то восточнее. Стуки глухими ударами отдавались в голове. Хм... Удары по голове. Как знакомо...

Я помню первый день с отчимом... Мать души в нём не чаяла. Не прошло и двух месяцев после исчезновения отца, как она привезла этого тирана.

И вот, у него отпуск... Мать уезжает на работу, а я остаюсь один на один с этим животным. Громкий храп был слышен до самого обеда. А я даже не завтракал. Обычно мне готовила мама, но сейчас её не было. Я решил что-то сделать сам.

Нашёл сладости. Шоколад. Почему бы и нет? Открыл плитку и принялся уплетать за обе щёки.

Я не услышал, как внезапно прекратился храп, как за скрипели доски пола, как чудовище появилось на кухне. От удара у меня потемнело в глазах. Недоеденная плитка шоколада грохнулась на пол, рассыпавшись мелкими крошками.

— Ты что, сучонок, не знаешь, что сладкое портит зубы?
— с мерзкой ухмылкой спросил отчим.

Я заревел.

— Посмотри, что бывает, если есть много сладкого...

Этот зверь схватил меня за руку улыбнулся во все тридцать два зуба. Вернее, зубы можно было пересчитать по пальцам, и все они были гнилые. От запаха изо рта отчима меня чуть не стошнило.

— Нравится тебе?

Прежде чем я успел что-то сказать, он отвесил мне звонкую оплеуху.

— Нравится?!

От второго удара я рухнул на пол и, схватившись руками за голову, заплакал. Он ничего не ответил. Лишь ехидно улыбнулся и поднялся обратно наверх. Но это были далеко не первые удары по моей голове от отчима. Стоило мне вечером пожаловаться маме, как я получал гораздо более сильные удары. Конечно, во время её отсутствия, пока она смывала с себя сегодняшний день в ванной.

— Ещё хоть слово вякнешь своей мамке, — пригрозил он, — урюю.

Тогда его слова звучали неправдоподобно. Но когда-то они почти стали реальностью...

Погрузившись в свои мысли, я не сразу понял, что солнце почти село за горизонт. А стуки... Что касается стуков, они прекратились. Лишь эхом отдавались в голове. Тук-тук-тук!

Меня трясло от холода. Точно! Я же хотел растопить печь.

Но сколько я пробыл в этом... трансе? Это не важно. Важно другое — они больше не стучат.

Я схватил дрова и закинул в печь. Подложил бумагу. Чёрт! Запасы бумаги тоже подходят к концу. Скоро придётся переходить с журналов и дешёвых любовных романов на книги по ботанике и астрономии. Крайний вариант.

Бросил бумагу под дрова. Чиркнул спичкой. Раз... Два... Пряный и одновременно едкий запах дыма. Сейчас печь насытится и согреет дом.

Заправил керосиновую лампу, включил старый светильник на солнечных батарейках. Солнца уже сколько нет, а он работает. Надолго ли? Присел за кухонный стол. Старая овсянка, облюбованная мухами. И сейчас ведь не выйдешь, не выкинешь... Перевожу взгляд на окно...

Кто-то на меня смотрит. Я чувствую это. И, возможно, даже вижу... Где-то в глубине подсознания. Нечто невысокое, белое, худошавое... Злое и настроенное против меня... И оно впивается в меня своими немигающими глазами.

Тук-тук-тук...

Окно! Вскочив как ненормальный (деревянный табурет свалился с оглушительным грохотом), я кинулся к двери. Нужно чем-то подпереть. Но чем? Конечно! Старая тумбочка в гостиной. Влетаю в темноту, не разбирая пути. Она стояла у входа. Нащупал. Она. С трудомдвигаю её к двери. Старый деревянный пол стонет в муках. Ему больно. Подтащил тумбу к самой двери. Смахнув капли холодного пота со лба,

я бросился обратно на кухню и задернул шторы. Теперь это больше не пялится на меня.

Тяжело дыша, я подсел к печи, от которой веяло приятным теплом. Взял полено и подкинул в огонь. Пламя стало ярче, радостно затрещало. Словно благодарит за еду. Скоро станет ещё теплее.

Тук-тук-тук!

Опять где-то у окна. Но они меня не увидят... Я задернул шторы! А вот дом покидать больше нельзя...

Глава 2. Стуки в дверь

Ночью кто-то стучал в дверь...

Я лежал, скованный холодом, под двумя одеялами — печь так и не согрела второй этаж. Стук не прекращался, настойчиво барабанил в дверь, словно требуя немедленного ответа. Такого ещё не случалось...

Тук-тук-тук! Ужасные звуки, пробивающиеся сквозь усилившийся ночной дождь, терзали тишину.

Усталость боролась со страхом, сон отступил. С неохотой покинув нагретую постель, я медленно спустился вниз, во тьму. Лампу забыл... Да и к чёрту её.

Деревянные перила скрипели под моими осторожными шагами. Стук в дверь отдавался в такт дождю, или это лишь игра моего воспалённого воображения? Может, никто и не стучит, лишь больной разум рисует кошмары?

Тук-тук-тук!

От неожиданности я отпрянул к лестнице, словно спасаясь от невидимой угрозы. Ещё немного, и ветхая дверь разлетится в щепки, а на пороге возникнет отец с топором... Окружённый худыми, нечеловеческими тварями, наблюдающими за мной из-за окон... Бежать! Прятаться!

С бешено колотящимся сердцем я бросился в комнату, запер дверь и нырнул в спасительное тепло постели. Зубы стучали — от страха или от холода? Знобило очень силь-

но. Неужели болезнь возвращается? В памяти всплыло одно давнее воспоминание...

То был поздний ноябрь. Снег упорно не желал выпадать, лес стоял голый и унылый. Серая морось и иней на траве. Тогда-то я и слёг. Всё началось с безобидного насморка, а закончилось лихорадкой и бредом. Провалы в памяти, обрывки происходящего. Помню приехавшего из города врача, настаивавшего на срочной госпитализации. Мать согласилась, но в последний момент отступила под угрозами отчима. В бреду, при высокой температуре, мне являлся отец... Истощённый, неестественно вытянутый, с вывернутыми назад ногами. Он стоял с топором у опушки леса и звал меня за собой.

Позже, когда дни перестали иметь для меня значение, старый доктор стал навещать нас чаще. Мы вели тихие беседы о жизни (или мне это казалось), после чего он ставил уколы, за которые мать отдавала бешенные деньги.

В один из тех дней — серый, с моросью и первыми, тут же тающими снежинками — ко мне пришла лихорадка. Мать уехала на работу в город, оставив меня на попечение отчима. На тумбочке для старого врача лежали деньги. Даже в полубредовом состоянии я заметил недобрый огонёк в глазах тирана.

Всё шло по привычному сценарию: укол, разговор с врачом, и... Неожиданно мне полегчало. Впервые за долгое вре-

мя...

А потом события понеслись вихрем.

Отчим, избив доктора, забрал деньги себе. В пограничном состоянии бреда и реальности я услышал глухой удар топора. Чавкающие звуки... Поздно вечером, когда вернулась мать, отчим заявил, что врач больше не придёт, так как я иду на поправку.

Она поверила... Возможно, поверил и я, приняв мысли об убийстве за очередной приступ бреда. Но это было не так.

Однажды, когда слабость ненадолго отступила, я бродил по дому. Мать была на работе, отчим, как всегда, сидел на кухне с початой бутылкой. Именно тогда я и увидел вещи доктора. Очки. Они лежали на тумбочке возле кровати матери и отчима. Конечно, я мог ошибаться, но никто из немногочисленных обитателей этого дома очки не носил.

С недоумением я взял их в руки. Ничего, лишь странный холод пробежал по спине. В тот же миг меня схватил появившийся отчим и вырвал очки.

Мгновение, и они с хрустом раздавлены его ногой. После — удар по голове. Ослабленный болезнью, я рухнул на пол. Отчим мог бы с тем же хрустом раздавить меня, но лишь процедил:

— Матери хоть слово пикнешь, урою.

Я молча смотрел на него.

— А теперь вали из комнаты, пока я тебя не урыл! — заорал он, брызгая слюной.

С трудом поднявшись, я выбежал и спрятался под одеялом. Озноб вернулся.

Неожиданный стук в дверь вновь пронзил тишину. Не хотелось покидать тепло, но лекарства... Лекарства были внизу. Хотя, наверняка просрочились. Надо проверить. Ибупрофен сейчас был бы кстати.

Я встал и медленно побрёл вниз. Стук то затихал, то возобновлялся с новой силой. В дверь ломились.

Пройдя мимо двери, я заставил себя заглянуть в глазок. Он был. Медленно я приближался к злополучному порталу в мир, где меня хотят убить...

Сглотнув слюну, прижался ухом к двери. Сквозь шум дождя слышал его... Их дыхание. И снова...

Тук-тук-тук!

Дверь слегка вибрировала от ударов.

Переведя дух, я глянул в глазок. Тьма... Непроглядная тьма. Хотя...

Разум готов был покинуть меня в этот же миг. За дверью стоял старый доктор. Но какой-то... другой. Точно. Вместо очков — нож в глазу. Мёртвый... Но живой.

— Тебя бы подлечить... — раздалось за дверью.

И голос этот был чужд доброму старичку. Голос из преисподней.

Тук-тук-тук!

Я не выдержал. В глазах потемнело, голова закружилась.

Сознание угасло.

Всю зиму я восстанавливался после болезни. Впервые вышел на улицу в конце апреля. Тёплый воздух, пробуждающая от зимней спячки жизнь. От глотка свежего лесного воздуха закружилась голова. Впервые за долгое время я почувствовал себя счастливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.